

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Среди цѣлаго ряда вопросовъ, которыми занята современная педагогія, едва ли не самымъ труднымъ въ смыслѣ его правильнаго разрѣшенія является вопросъ о религіозномъ воспитаніи, а въ частности о преподаваніи Закона Божія въ средней школѣ. Западныя страны, какъ напр., Америка, Англія, Франція такъ или иначе рѣшили этотъ больной вопросъ, замѣнивъ религію моралью, исключивъ ее изъ предметовъ школьнаго преподаванія. У насъ же этотъ вопросъ и доселѣ остается невыясненнымъ всесторонне даже теоретически. Его, волей или неволей, сторонятся даже такія, напр., организациі, какъ педагогическіе съѣзды. Я хорошо помню, какъ всероссійскій съѣздъ по вопросамъ семейнаго воспитанія, происходившій въ Петроградѣ въ концѣ 1912 г., осторожно обходилъ этотъ вопросъ, а председатели секцій всегда останавливали ораторовъ, затрогивавшихъ вопросъ о религіозномъ воспитаніи прямо или косвенно.

Вопросъ о религіозномъ воспитаніи — наибольшій вопросъ. «Всюду замѣчается теперь полная растерянность въ отношеніи религіознаго воспитанія въ семьѣ и школѣ — пишетъ Евгений Лозинскій — всюду царитъ незнаніе, чѣмъ и какъ замѣнить «избитыя дорожки», не удовлетворяющія даже консервативно или ортодоксально настроенныхъ людей»¹⁾.

Въ правильномъ разрѣшеніи затронутаго вопроса заинтересованы многія стороны. Въ этомъ заинтересована семья, на глазахъ которой ребенокъ впервые начинаетъ проявлять свою религіозную душу въ чистой, безкорыстной молитвѣ. За разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ религіи этотъ же ребенокъ обращается прежде всего къ своимъ родителямъ. Вопросъ этотъ далеко не безразличенъ и для школы, закладывающей основы здороваго міросозерцанія въ учащихся. Законъ Божій, правильно поставленный, можетъ быть великой гуманитарной силой, можетъ многое осмыслить, согрѣть, многое прояснить въ той идейной путаницѣ, которая характеризуетъ юношество въ періодъ умственнаго созрѣванія. Нужно ли говорить о томъ, насколько заинтересовано въ рациональномъ разрѣшеніи этого вопроса государство, общество, гдѣ растеть не только безбожіе ума, но и воли, или, какъ говорятъ, атеизмъ практическій.

¹⁾ Е. Лозинскій, Вопросы религіи въ соврем. воспитаніи. См. журн. «Сем. Воспитаніе» 1913 г., кн. 9.

Мы издавна привыкли отдавать рѣшеніе этого вопроса въ руки наиболѣе компетентнаго въ немъ, по нашему мнѣнію, духовенства. Такъ и теперь наше духовенство на происходившихъ лѣтомъ частныхъ законоучительскихъ совѣщаніяхъ выдвинуло снова этотъ вопросъ. На предстоящемъ всероссійскомъ законоучительскомъ съѣздѣ, котораго ждетъ общество, духовенство должно высказать опредѣленно свое мнѣніе о томъ, какъ надо учить и воспитывать въ дѣтяхъ вѣру, чтобы по вѣрѣ жить.

Но полезно бываетъ иногда выслушать и голосъ свѣтскаго человѣка по данному вопросу, тѣмъ болѣе если этотъ голосъ исходитъ изъ пониманія дѣтской души, если лицо, высказывающее то или иное мнѣніе, хорошо знаетъ среднюю школу. Такимъ лицомъ является В. Я. Стоюнинъ, выдающійся преподаватель среднихъ учебныхъ заведеній Петрограда 60-70 годовъ, прекрасный человѣкъ и образцовый учитель. Это засвидѣтельствовала еще разъ, вся періодическая печать въ день исполнившагося недавно 25-лѣтія со дня смерти Стоюнина.

Стоюнинъ зналъ ученика, зналъ онъ и школьнаго законоучителя.

Рисуя въ своихъ педагогическихъ статьяхъ идеальную школу ¹⁾, Стоюнинъ коснулся вопроса о религіозномъ воспитаніи въ школѣ и намѣтилъ пути для его разрѣшенія. Упрекая наше духовенство вообще въ недостатокъ живого учительства, Стоюнинъ во многомъ и извиняетъ наше духовное сословіе. Часть вины онъ складываетъ на нашу духовную школу стараго, а также и новаго времени, которая даетъ кончающему ее образцы для высокопарныхъ проповѣдей, но не даетъ живыхъ образцовъ для человѣческаго обращенія съ людьми. Духовныя семинаріи цѣлыми годами занимаютъ умъ учащейся молодежи догматикой и отвлеченными богословствованіями и этимъ почти истощиваютъ свою руководящую роль. А то, что составляетъ въ религіи жизненное значеніе, что одухотворяетъ человѣка, пробуждаетъ его лучшія чувства, сливается съ его жизнью и направляетъ эту жизнь — этого въ большинствѣ семинаріи не даютъ. Причина всему — схоластическій характеръ преподаванія и недостатокъ въ живыхъ и идейныхъ преподавателяхъ.

Прежде чѣмъ судить духовенство, а въ частности о. законоучителя средней школы, надо его понять, понять условія, въ которыхъ онъ воспитанъ и въ которыхъ работаетъ — такова мысль Стоюнина. А понять — значитъ многое простить. Но не все простить...

¹⁾ «Замѣтка о русской школѣ». Собр. сочин. Стоюнина, изд. 3-е, 1911 г., стран. 294—370.

Въ преподаваніи Закона Божія, какое мы сейчас видимъ въ школьѣ, есть грѣхи, въ которыхъ повинны и оо. законоучители. Они не такъ поняли слова «Законъ Божій», введенныя въ школьныя программы, приравняли его ко всѣмъ другимъ предметамъ тѣхъ же программъ. Въ этомъ, по мнѣнію Стоюнина, педагогическая ошибка. Религію, управляющую преимущественно чувствомъ, нельзя смѣшивать съ богословіемъ, наукою, которая требуетъ зрѣлаго ума, способнаго къ отвлеченному мышленію. Они составили катехизисъ, который понятенъ взрослымъ, но очень мало понятенъ дѣтямъ. Отдавая должное научно-богословскимъ достоинствамъ Филаретовскаго катехизиса, который, между прочимъ, не такъ давно былъ подвергнутъ обстоятельному критическому пересмотру особой комиссіей при Св. Синодѣ, Стоюнинъ говоритъ, что эта книга въ педагогическомъ отношеніи не удовлетворяетъ требованіямъ дѣтской психологіи.

Всѣ, кто учился по этому катехизису, намъ кажется, согласятся, что Стоюнинъ глубоко правъ. Не дѣтская эта книга. Здѣсь нѣтъ мѣста чувству, пылкому, непосредственному, которое такъ свойственно дѣтямъ. Нѣтъ простора религіозному энтузіазму. Весь религіозный пылъ охлаждается строгимъ, безапелляціоннымъ тономъ догматическаго опредѣленія.

Представьте себѣ — маленькій мальчикъ является въ классъ съ пламенной вѣрой въ бытіе Божіе. И вотъ его начинаютъ снабжать отрывочными текстами изъ разныхъ мѣстъ Св. Писанія, доказывающими это бытіе. Его маленькій умъ еще не можетъ оцѣнить значеніе этого авторитетнаго источника. Не можетъ ребенокъ понять и сокровеннаго смысла этихъ текстовъ, гдѣ мысль всегда выражена необыкновенно кратко и сжато. Пусть законоучитель объяснитъ эти тексты, но вѣдь ученикъ при своей умственной неразвитости не въ силахъ достаточно хорошо переработать высокія мысли въ своемъ умѣ и запомнить. Спрашивается, есть ли нужда предлагать эти доказательства, когда ученикъ и такъ горячо вѣритъ, когда онъ въ своей чистой, дѣтской вѣрѣ такъ еще далекъ отъ религіознаго сомнѣнія.

То, что говоритъ Стоюнинъ объ изученіи катехизиса, можно примѣнить и къ обычному изученію въ младшихъ классахъ средней школы — тропарей двенадцатыхъ праздниковъ, которые такъ трудно бываетъ усвоить ученикамъ.

«Не трогайте этой вѣры и передавайте однимъ простымъ словомъ то, что принадлежитъ вѣрѣ. Для учащихся самый главный авторитетъ — голосъ того наставника, котораго они уважаютъ». Только его живой голосъ способенъ проводить мысль въ юное сердце, развивать религіозно-созерцательную душу мальчика, а это — главное,

что можно требовать въ интересахъ религіознаго воспитанія. Стоюнинъ предлагаетъ оо. законоучителямъ прислушаться ко всѣмъ учившимся въ русской школѣ. Изъ десяти, навѣрное, девять скажутъ, что ихъ религіозность скорѣе притуплялась, чѣмъ развивалась отъ непосильнаго труда надъ заучиваніемъ всего того, что предлагалось на урокахъ Закона Божія. Не здѣсь ли источникъ прогрессирующаго потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, религіознаго индифферентизма.

Выводъ изъ сказаннаго одинъ — наши законоучители не всегда достаточно внимательны къ наблюденіямъ надъ психическимъ развитіемъ маленькаго человѣка. Нельзя укрѣплять въ дѣтяхъ религіозное чувство, сближать человѣка съ высшимъ христіанскимъ идеаломъ, задавая учить по учебнику уроки¹⁾. Нельзя также судить о степени религіозности ученика по силѣ его памяти: кто тверже выучиваетъ уроки, тотъ и религіознѣе. Добродѣтель всегда была дѣломъ сердца, а не головного усвоенія. Она основывается не столько на знаніи, сколько на приобрѣтеніи добрыхъ навыковъ. Нецѣлесообразная постановка преподаванія Закона Божія — она отмѣчена кое-гдѣ даже законоучительскими съѣздами нашихъ дней — ведетъ къ двойному злу и ставитъ Законъ Божій, какъ школьный предметъ преподаванія, въ неловкое положеніе. Страхъ наказанія, боязнь дурной отмѣтки заставляютъ учениковъ лукавить передъ законоучителемъ, какъ и передъ другими педагогами, такъ же обманывать его, чтобы получить хорошій баллъ, какъ и другихъ. А при этомъ не можетъ быть того нравственнаго вліянія учебнаго предмета, на который обыкновенно такъ рассчитываютъ въ вопросѣ о нравственномъ воспитаніи.

Еще далѣе Стоюнинъ высказываетъ мысль о томъ, что экзамены по Закону Божію въ средней школѣ излишни, потому что они наводятъ на ложное заключеніе. Мысль на первый взглядъ можетъ показаться странной, но Стоюнинъ, какъ и всегда, ее серьезно обосновываетъ. По заученнымъ отвѣтамъ учениковъ на экзаменѣ передъ мѣстнымъ епископомъ, которому принадлежитъ надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія въ средней школѣ, нельзя судить о ихъ религіозности, говоритъ Стоюнинъ. О послѣдней судятъ не по богословскимъ познаніямъ человѣка, а по его жизни и ея стремленіямъ. Возможно ли публично и экзаменовывать человѣка въ такихъ интимныхъ чувствахъ, какъ любовь къ Богу и ближнему? А безъ этихъ чувствъ

¹⁾ Живыя мысли высказываетъ въ связи съ затронутымъ вопросамъ и священ. Сосуновъ, выдержки изъ интересной статьи котораго «О порядкѣ изученія молитвъ» приведены въ «Вѣстникѣ Школы» № 1, стран. 15—16.

къ чему служить всѣ эти богословскія ученія. Развѣ въ нихъ должны быть конечные результаты религіознаго образованія?

Посмотрите на дѣйствительность — указываетъ Стоюнинъ. Юноша въ присутствіи епископа и начальствующихъ, повидимому, съ убѣжденіемъ произноситъ высокія нравственные истины, правильно рассуждаетъ о нихъ; но онъ ими въ жизни не руководится, можетъ быть, и не намѣренъ ими руководиться въ послѣдующей жизни.

Экзаменъ не есть и средство контроля оо. законоучителей. Каждый человѣкъ познается не въ праздники, не на парадныхъ выступленіяхъ, а въ ежедневной будничной работѣ. Поэтому, каковъ о. законоучитель въ дѣйствительности, можно узнать только въ классѣ, гдѣ его слушаютъ одни ученики.

Бывшіе минувшимъ лѣтомъ порайонные законоучительскіе съѣзды, въ цѣляхъ улучшенія постановки религіознаго воспитанія въ средней школѣ, между прочимъ, проектировали увеличить число уроковъ по Закону Божію и расширить школьныя программы по этому предмету. Эти предположенія, какъ извѣстно, бывали и раньше.

Стоюнинъ показываетъ нецѣлесообразность этого средства. Религіозно-нравственное воспитаніе не улучшится оттого, что въ школьную программу будутъ введены лишнія догматическія, культовые, историческія подробности. Дѣло не во времени и не въ объемѣ учебнаго матеріала. Какъ на жизненное доказательство, Стоюнинъ умѣстно ссылается здѣсь на наши духовныя семинаріи, которыя не могутъ, кажется, пожаловаться ни на недостатокъ времени, ни на бѣдность программы, а между тѣмъ религіозность нашихъ семинаристовъ, а также и ихъ поведеніе оставляютъ желать многого¹⁾). Усилить изученіе учебнаго книжнаго матеріала, значительно увеличеннаго въ объемѣ, подъ предлогомъ большаго религіознаго развитія — значитъ, по мнѣнію Стоюнина, не согласоваться съ природой человѣка, въ которой всякое излишество не перерабатывается естественно, а наоборотъ внушаетъ отвращеніе.

Намъ кажется, что къ этимъ словамъ Стоюнина можно сдѣлать нѣкоторую поправку. Увеличить число часовъ для Закона Божія будетъ во всякомъ случаѣ не вредно для дѣла, а только полезно, конечно, если оо. законоучители сумѣютъ эти часы продуктивно использовать. Отчего бы не расширить и программы только на счетъ сокращенія въ различныхъ курсахъ апологетическаго и догмати-

¹⁾ Какъ живую иллюстрацію къ этимъ словамъ Стоюнина, можно указать интересный романъ г. Леонида Добронравова, Новая бурса, помѣщенный въ журналѣ «Завѣты» за 1913 г., №№ 6—10.

ческаго элемента. Можно увеличить историческій элементъ, имѣя въ виду особенно яркія, колоритныя, если такъ можно выразиться, эпохи изъ исторіи церкви и исторіи религій. При прохожденіи въ VII и VIII классахъ элементарнаго курса христіанскаго ученія о нравственности можно использовать богатый матеріалъ русской художественной, а отчасти и европейской литературы, нѣкоторыя страницы христіанской аскетики. Это связало бы преподаваніе Закона Божія съ жизнью и значительно оживило бы преподаваніе самого предмета въ нашей средней школѣ.

Программы надо сократить, главное — надо переработать ихъ педагогически, продолжаетъ Стоюнинъ, цѣли и средства преподаванія согласовать съ требованіями дѣтскаго и юношескаго возраста. Программы должны быть переработаны людьми живого дѣла, а не далекими отъ школы чиновниками. Развивая далѣе свои мысли, Стоюнинъ высказываетъ старую, но сто разъ вѣрную истину — воспитательная сторона школы сильна нравственностью наставниковъ. Исходя изъ этой старой педагогической аксіомы, Стоюнинъ рекомендуетъ оо. законоучителямъ и руководиться настоящей педагогіей, знать природу своего предмета, благожелательно относиться ко всякому научному знанію. Уроки по Закону Божію онъ совѣтуетъ обратить въ сердечныя бесѣды по разнымъ вопросамъ. На этихъ урокахъ такъ легко и педагогически цѣлесообразно связать слово съ жизнью, теорію книги съ реальными поступками людей. «Законоучитель вѣрнѣе достигнетъ цѣли, если кстати, во время, въ простомъ задушевномъ разговорѣ увлечетъ чувства маленькихъ слушателей и исполнитъ ихъ фантазію благородными образами, а ихъ сердце доблестными порывами».

Надо ближе подойти къ учащимся. Законоучитель хорошо поступитъ, если онъ бережно отнесется къ неустановившейся молодой мысли, къ ученическимъ сомнѣніямъ, свойственнымъ переходному возрасту. Молодежь многое проститъ законоучителю въ преподаваніи, если онъ путемъ дружескихъ бесѣдъ, безъ гнѣвныхъ обличеній, скучныхъ, а иногда и тенденціозныхъ морализированій, сдѣлаетъ себя довѣреннымъ лицомъ школьной молодежи въ ея душевныхъ безпокойствахъ. Мы знаемъ по опыту — справедливо замѣчаетъ Стоюнинъ — что и одна сердечная бесѣда можетъ заронить много здоровыхъ сѣмянъ въ юныя души, а много холодныхъ книжныхъ уроковъ не дадутъ ничего, или поселять отвращеніе.

У насъ все еще господствуетъ странный и невѣрный взглядъ, будто каждый священникъ можетъ быть законоучителемъ, какъ прежде

полагали, что школьнымъ учителемъ можетъ быть всякій, мало-мальски грамотный человѣкъ. Законоучительство требуетъ особаго призванія, особой педагогической подготовки, потому что религіозно-нравственное воспитаніе дѣло великое и отвѣтственное, отъ него зависитъ все достоинство, всякое истинное благо человѣка и гражданина.

Нельзя не пожелать вмѣстѣ со Стоюнинымъ, чтобы государство и церковь, а также и общество приложили всѣ усилія къ тому, чтобы у насъ было больше педагогически-образованныхъ, чуткихъ, отзывчивыхъ на запросы юношей и правдивыхъ со. законоучителей. Это — самое главное въ проектируемой реформѣ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ.

А. Лебедевъ.